

Николай
КАСТРИКИНЛит. Россия — 1996
Зав. — с. 4

«ЧЕРНАЯ туча, медленно поднимавшаяся на горизонте, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пели вечную память новопре- ставленному рабу Михаилу». Так князь Васильчиков, секундант Лермонтова, описывает окончание дуэли. Черная туча тайны вот уже более полутора столетий застилает то, что произошло перед этим. Попробуем, опираясь, кроме прочего, на материалы следствия и военно-судного дела, ее развеять.

Дуэльный кодекс графа Шатовиллара, в разработке которого участвовало 100 наиболее родовитых французских аристократов, вышел во Франции в 1836 году и оказал определяющее влияние на дуэльные правила в России, которые налагали строжайший запрет на любое уклонение от дуэли, в частности на первый выстрел в воздух. Нарушитель, особенно если он был вызван своим противником, рассматривался как уклоняющийся от поединка, объявлялся совершившим бесчестный поступок, а противник или его секунданты получали право расправиться с ним немедленно.

Секундантов было четверо (двоих из них, находившихся в опале и опасавшихся преследований за причастность к дуэли, скрыли от властей). Со стороны

командами «два» и «три» (10 — 15 секунд) с любого места до барьера.

Секундант Мартынова (Глебов) махнул рукой. Мартынов быстро пошел вперед. Вот он остановился у барьера и начал нелепо, курком вбок (по-французски, как он говорил), целиться. Команда «два» — можно стрелять. Длинная пауза... Почему никто не стреляет?

Лермонтов, по свидетельству Васильчикова, после сигнала секунданта не тронулся с места. Более того, он не целится. Он стоит, прикрыв правый бок согнутой рукой и локтем с пистолетом дулом вверх — обычная поза выстрелившего и ожидающего выстрела дуэлянта. Это — уклонение от дуэли, оскорбление противника у барьера, бесчестный поступок.

И тут нервы секунданта не выдержали: «Стреляйте или я вас разведу!» Следом гремит выстрел Мартынова. «Я вспылел», — вспоминает он впоследствии, — и спустил курок. Дуэлью и секундантами не шутят».

Лермонтов приседает и падает как подкоженный. Пуля (показал на другой день врач) вошла в правый бок ниже последнего ребра, при страстении его с храпом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мышцы левого плеча. Заметим, что правая рука, которой Лермонтов прикрывал бок, нигде не была задета: пуля вошла под локтем (ведь он стоял выше Мартынова).

Ирония судьбы заключается в том, что если бы Мартынов промахнулся или прозвучала команда «три», то Лермонтова, как грубого нарушителя дуэльного кодекса, должны были бы покарать секунданты противника: Глебов, друг поэта, или «тишайший» и незаметный князь Трубецкой. Однако один из секундантов тоже нарушил дуэльные правила: вместо того, чтобы сказать «три!», он побуждал их стрелять, угрожая иначе развести. Кто это был, теперь установить трудно. Васильчиков называет Столыпина, двоюродного дядю поэта. Но кто бы это ни был, его возглас адресовался Лермонтову: «Опомнись! Что ты делаешь? Целься!» — так его можно было истолковать.

монтов, но эта версия опровергнута и оставлена. Довольно привлекательна высказанная еще современниками идея о том, что Мартынов узнал себя в Грушницком — пустом, смешном, немужественном и непорядочном персонаже «Героя нашего времени». Но возможна версия более простая и убедительная.

Отличный рисовальщик, Лермонтов набросал за время пребывания в Пятигорске целый альбом ядовитых и метких, подчас оскорбительных карикатур, главным героем которых был Мартынов. (Справедливость требует отметить, что в этом альбоме, ходившем по рукам в узком кругу приятелей Лермонтова, он не шадил и самого себя.) Хотя альбом не сохранился, сохранились описания некоторых карикатур. Например: Мартынов в позе отравления большой надобности со своим пресловутым большим кинжалом на поясе. Или: Мартынов во время стычки с горцами кричит и машет кинжалом на лошади, поворачивающей вспять. Характерно, что Лермонтов не показывал альбома Мартынову, признавая тем самым оскорбительность некоторых карикатур. Но у них были общие приятели (в частности проживавший вместе с Мартыновым Глебов). Так или иначе, но шила в мешке не утаишь, и Мартынов, видимо, не только узнает о существовании альбома, но и получает описание наиболее пикантных карикатур на него. Нельзя исключить и того, что он сам видел альбом у одного из своих приятелей. Альбом не числится в посмертной описи вещей поэта. Он исчез. Одни говорят, его взял себе на память Столыпин, другие — Глебов.

Лермонтов попал в капкан обстоятельств, который опрометчиво сам поставил. Фатоватый красавец, высокорослый блондин со слегка вздернутым носом, недалекий, упрямый, вспыльчивый и болезненно самолюбивый позер, из рук вон плохой стрелок, но честный и явно неробкого десятка человек (о чем свидетельствуют кроме ордена Св. Анны продиктованные им смертельно опасные условия дуэли), Мартынов справедливо считал себя оскорбленным, опозоренным, и кем — своим соучеником и приятелем. Мать его в свое время

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ДУЭЛЬ: КАК ЭТО БЫЛО

Мартынова секундантом был проживавший с ним на одной квартире в Пятигорске друг Лермонтова, поручик М.П. Глебов. Участвовал вместе с поэтом в сражении на реке Валерик, в котором отличился и был тяжело ранен. Вторым (негласным) секундантом был князь С.В. Трубецкой, встречавшийся с Лермонтовым в Петербурге и на Кавказе, где они вместе воевали.

Со стороны Лермонтова гласным секундантом был князь А.И. Васильчиков, встретившийся с поэтом в Ставрополе (где они сблизились), а негласным — родственник и друг Лермонтова А.А. Столыпин по прозвищу «Монго». Он был секундантом в дуэли Лермонтова с Эрнестом де Барантом (где поэт выстрелил вторым в воздух).

Противник, вызвавший поэта на дуэль: отставной майор Н.С. Мартынов, учившийся с Лермонтовым в Школе юнкеров. Часто общался с ним в 1837 — 1840 годах. Отличился в экспедиции против горцев в 1837 году, за что был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. Имел 27 высочайших благодарностей за службу.

Наконец, сам поэт, человек безупречной, несколько вызывающей и фаталистичной храбрости. Был дважды представлен к награде как отличившийся в боевых действиях на Кавказе. Оба представления отклонены царем, лично обиженным на Лермонтова за бестактные и дерзкие ответы великой княжне (дочери царя) на новогоднем бале-маскараде в Петербурге.

Время и место действия: 15 (по старому стилю) июля в седьмом часу пополудни, верстах в четырех от города Пятигорска, на левой стороне горы Машук, при ее подходе, на отлогой полянке между дорогой и кустарником.

Лермонтов (в нарушение дуэльных правил) стоял на скате дороги выше Мартынова. До барьера (брошенной фуражки) — 10 шагов. В барьере — 10 шагов. Сходиться по сигналу секунданта. Стрелять — между

В любом случае нам известен один человек, который вел себя в строгом соответствии с дуэльными правилами: Мартынов. Между тем именно на Мартынова обрушилось всей тяжестью общественное презрение, от которого ускользнул, вернувшись во Францию, Дантес. Его чурались, как проклятого. «Он, — вспоминал учившийся с его детьми князь В.Голицын, — как нельзя лучше оправдывал кличку «Статуя командора». Каким-то холодом веяло от всей его фигуры, беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом...» «Орудие провидения», как он себя называл. Каждый год в день дуэли уединялся он в одном из подмосковных монастырей, замаливая свой грех и слушая панихиду «по убиенному рабу Божию Михаилу».

Но вернемся к подножию Машука. Только что прозвучал выстрел стрелявшего из пистолета третий раз в жизни Мартынова. Секунданты бросаются к Лермонтову. Тот умирает на месте. «Никакого жеста, — вспоминает Васильчиков, — дохнул два раза». Взяв пистолет убитого, Васильчиков машинально разряжает его в воздух. И тут перед свидетелями и участниками начинавшейся как водевил (отпустили дрожжи!!) драмы встает судьбоносный вопрос, от которого даже у закаленных в сражениях пробежал по спине неприятный холодок: что дальше? Если рассказывать правду о том, что известный и любимый многими поэт нарушил дуэльную этику, то мало того, что молва и история заклеймят их очернителями гения, так и Мартынов, стрелявший в поэта, державшего свой пистолет дулом вверх, абсолютно правый по дуэльным правилам, окажется в глазах не разбирающейся в тонкостях дуэльного кодекса толпы безжалостным убийцей. И было решено (насколько мудро и справедливо — другое дело), что нужно скрыть демонстративное уклонение Лермонтова от дуэли, чтобы не замарать незащищенной виной Мартынова. Однако когда секрет хранят четверо... Уже на другой день по городу поползли слухи, так что секундант должен был выходить на крыльцо дома Лермонтова, дабы объяснить собравшимся, что поэт не был предательски убит, а погиб на честном поединке.

Теперь самое время спросить, какова была истинная причина дуэли. В своих ответах на вопросы следователей Мартынов говорит о не задевающих честь остротах и шутках Лермонтова в свой адрес. Не соразмерная повод тяжесть условий дуэли, назначенных Мартыновым, его отказ, несмотря на уговоры секундантов, покончить дело миром противоречат этому. Подшучивания Лермонтова над непомерно большим кинжалом по-церковски одевавшегося приятеля — явно недостаточная причина для дуэли на 10 шагах при трех выстрелах из дальнобойных пистолетов с каждой стороны. Разговор Мартынова с Лермонтовым, после которого последовал вызов Мартынова, происходил без свидетелей. Похоже, что Мартынов хотел скрыть действительную причину смертельной обиды на своего одноклассника и приятеля. Одно время думали о сестрах Мартынова, с которыми был знаком и общался Лер-

Гравюры художника Федора Константинова к книге М. Лермонтова «Герой нашего времени» (М.: Художественная литература, 1963).

писала ему о злом языке поэта, но у того оказался еще и более злой карандаш!

Короче говоря, в истории с альбомом Лермонтов был как ни крути перед Мартыновым не прав. Конечно, Мартынов нередко бывал претенциозен и смешон, но это вряд ли оправдывает беспощадность карикатур на него. Смешного Лермонтов превратил в оскорбленного, трогательную подчас глупость — в справедливо возмущенную. Иными словами, он должен был либо извиниться, либо целиться. Гордость не позволила ему сделать первое, высокомерие — второе. Средний путь оказался гибельным.

Мартынов не нарушил дуэльного кодекса; он, по его словам, вспылел и нажал курок, непоправимо нарушая тем самым высшие правила нравственной красоты и отнимая у России крупнейшего, после Пушкина, поэта. И даже здесь, перед лицом смерти, он не может удержаться от поэты: целует еще не остывшего приятеля.

Это было не убийство, как подозревали современники. Это был поединок, в котором Лермонтов, нарушив дуэльные правила, пал жертвой своего жалящего карандаша, неосмотрительности, демонизма и великодушия. В сущности, это было то, что называется глупая смерть. Но сострадательная и несведущая молва изобразила ее злодейским преступлением: ранняя трагическая гибель так к лицу гению...

Николай Федорович Кастрикин родился в 1930 году на хуторе Зеленый Сталинградской области. Суворова первого набора. Окончил в 1960 году МГУ. Кандидат биологических наук. Автор сборника «Избранные стихотворные романы».